

публикации

М.В. Горелик

Москва

Находки на Ставрополье и сложение монгольской имперской культуры

Публикуемые здесь статьи, посвященные замечательным находкам на Ставрополье погребений эпохи ранней Золотой Орды, вводят в научный оборот обильный, первоклассный, во многом определяющий материал. Анализ, датировка и трактовка материала в публикациях не вызывают никаких сколько-нибудь серьезных сомнений, и потому наша задача ограничивается культурно-историческим комментарием, который будет касаться не всех, но лишь наиболее ранних, языческих погребений – № 15 и 10 у Новопавловска и № 1 у с. Раздольное совхоза «Семеновод».

Рассмотрим мужские воинские погребения – № 15 у Новопавловска и № 1 у Раздольного. Несмотря на разницу в их инвентаре, в нем есть поразительные аналогии, причем среди вещей неординарных, нерядовых. Прежде всего у них чрезвычайно схожие наголовья шлемов, как бы вышедшие из одной мастерской. По форме шлем из Новопавловска близок шлемам из склепов горной Ингушетии – в Верхнем Лейми и Шуан (Чахкиев, 1985, рис. 1, 5; Даутова и др., 1989, рис. 7), отличаясь от первого отсутствием козырька, а от второго – тем, что он цельнокованный, а не с приклепанным околышем. Оба памятника датируются XIV в. В изобразительных же источниках – ближне- и средневосточных, кавказских – шлемы подобной формы встречаются на протяжении XII–XIV вв., уходя своим происхождением вглубь веков.

В силу столь широкой распространенности формы шлем из Новопавловска трудно привязать в какой-то конкретной пространственной и временной точке. То же можно сказать и о шлеме из Раздольного, хотя его форма встречается значительно реже. Ничто нам не мешает считать их изделием и монгольского, и северокавказского мастера.

Еще более серьезным свидетельством синхронности памятников могут служить серебряные поясные пряжки, практически идентичные и по форме, и по декору и явно принадлежащие одной руке. Наиболее близки им пряжки монгольских поясов, найденных в погребении кургана № 6 у с. Новоподкряж на Днепропетровщине (Шалобудов, Кудрявцева, 1980, рис. 1, 6) и в Монголии (т. н. «пояс Джамухи») (Цултэм, 1987, рис. 7), в свою очередь восходящие, как теперь выясняется, прямо к чжурчжэньским прототипам (Шавкунов, 1990, табл. 351–9, II, табл. 36.5, табл. 39–41). Вполне восточ-

но- и центральноазиатскими являются орнаментальные мотивы, украшающие пряжки – гравированные «плетенка уголком» и «побеги из синусоид».

Основа металлического декора обоих поясов – «несущие» бляхи, форма которых представляет варианты четырехлепестковой розетки с петлями для подвески и «рядовые» бляшки в форме полумесяца.

Подобная форма «несущих» блях является монгольской модификацией, причем модификацией самостоятельной, творческой, но восходящей опять-таки к прототипам, имеющимся в чжурчжэньском репертуаре (Шавкунов, 1990, табл. 36, I; табл. 37, 10; табл. 43, 31; табл. 44, 10, 15; табл. 45, 3; табл. 46, 7). Декор бронзовых блях из Раздольного представляет собой фигуру синусоидального изогнувшегося дракона, заполняющую всю поверхность бляхи. Ближайшей аналогией раздольнинскому дракону является дракон, изображенный на «несущей» поясной бляхе – подпрямоугольной формы – из погребения у Новоподкряжа (Шалобудов, Кудрявцева, 1989, рис. 1, 6). Правда, стилистически новоподкряжский дракон уже гораздо более схематичен, мастер, его делавший, уже не все понимал в структуре образа, что-то редуцировав, какие-то элементы тела чудовища превратив в растительные или геометрические. Несомненно, это следующий, более поздний, этап в развитии образа дракона в монгольской «поясной» пластике. И интересно, что путь развития тот же, что и в ряде чжурчжэньских памятников кон. XII – нач. XIII в. (Шавкунов, 1990, табл. 41, 5–7). Вместе с тем в чжурчжэньских поясных бляхах присутствуют не только различным образом схематизированные, полностью утратившие изначальные признаки чудовища, но и вполне тщательно, подробно воспроизведенные драконы (там же, табл. 43, 7, 31; табл. 44, 10, 12). «Средняя» степень схематизации дракона, воплощением чего являются чудовища, отчеканенные на одной из обоев раздольнинского пояса, находит довольно близкую аналогию в чжурчжэньском памятнике – кольцевидной поясной бляхе (Там же, табл. 49, 3). Вообще же мотив дракона на ремennom наборе, на посуде, седлах, коронах был популярен – до чжурчжэней – еще в киданьской-ляоской тореvтике (Три гробницы династии Ляо, 1956, рис. 9, 2, 3; Раскопки гробницы принцессы ляоского владения Чен, 1987, рис. 37). Исключительно популярен был мотив дракона в чингизидском искусстве – и не толь-

ко, скажем, в росписи фарфора юаньского Китая, но и, например, в декоре изразцов ильханидского, хулагуидского Ирана.

Вместе с тем драконы на монгольских бляхах с территории Золотой Орды являются собой вполне самостоятельное – в рамках общечингизидской культуры – и сформировавшееся художественное явление. О популярности среди монгольских торевтов узора «плетенка уголком», как и его чжурчжэньских истоках – узор этот оформляет боковые грани раздольнинских блях, – говорилось выше.

Сюжет декора на золотых прорезных «несущих» бляхах пояса из Новопавловска иной: копытное животное в лесных зарослях. Мотив этот был вообще самым популярным в монгольском декоре XIII–XIV вв. (Горелик. Введение в историю раннего монгольского костюма), воспроизводившимся в металле, тканях, камне, кости и т. д. Вариант его мы видим и на бляшках-пронизках новопавловского пояса. Причем вариант, гораздо более распространенный у монголов – с лежащим животным. Тогда как стоящее животное, изображенное на крупных бляхах, гораздо реже встречается в чингизидском искусстве. Оба варианта этого сюжета – и со стоящим, и с лежащим копытным среди растительности – были весьма популярны в чжурчжэньском искусстве оформления поясных блях и обойм (Шавкунов, 1990, табл. 41, I – 3; табл. 43, 14, 18; табл. 44, 13), каменных резных поясных блях и печатей (там же, табл., 45, 5; Ян Бода, табл. 3).

«Рядовые» бляшки обоих поясов имеют форму полумесяца, очень популярную в степных поясах вообще, но конкретными прототипами послужили в основном все же чжурчжэньские поясные гарнитуры. Особенно близки чжурчжэньским образцам декор и форма бляшек из Новопавловска. Что же касается раздольнинских полумесяцевидных бляшек, то ближайшие аналогии теперь известны в достаточно большой серии бляшек от Днестра до Средней Азии.

Исключительный интерес представляет однолезвийный палаш, лежавший справа от покойника, похороненного в погребении № 15 у Новопавловска (табл. 1, 1). По ряду признаков видно, что он изготовлен для левши, что подтверждается и его расположением в могиле. Фигурная обойма под перекрестием – явление весьма показательное (табл. 1, 1–4.) Оно уже само по себе свидетельствует о монгольской принадлежности предмета (подобные обоймы после хазар вновь появляются в Восточной Европе только с приходом насельников Центральной Азии, где эта деталь бытовала непрерывно с VIII –

IX вв.). Но особенность новопавловской обоймы в том, что она серебряная, а не стальная, и фигурная, причем близка тем, что рисовались на миниатюрах, сделанных в Тебризе около 1300 г. Предметная же аналогия нашей обойме была найдена в 90-х гг. прошлого века при раскопках городища Княжа Гора под Киевом. (Кирпичников, I, табл. XXXV, 5, с. 100). Новопавловская находка еще раз поднимает вопрос о том, что часть предметов вооружения, раскопанных в древнерусских населенных пунктах, подвергшихся монгольскому разгрому, принадлежит воинам захватчиков.

Замечательны своим материалом – серебром, сохранностью, формой и декором обоймы ножен палаша из Новопавловска. Форму их следует признать монгольской, так как аналогов в других культурах пока нет, а обоймы такой формы встречаются на иранских тебризских миниатюрах с другими монгольскими реалиями. Особенно характерен для монгольской чингизидской торевтики узор на одной из них – «букет» с цветком лотоса или пиона в центре. Надо, однако, сказать, что данный сюжет был крайне популярен в чингизидском прикладном искусстве вообще – в вышивке, лаке, фарфоре. Этот монгольский декоративный сюжет имеет длинную предысторию. Становление и оформление его хорошо прослеживается на материале торевтики и росписи фарфора в киданьскую-ляоскую эпоху, в сунском фарфоре, в каменной резьбе и фарфоре чжурчжэньского периода.

Совершенно уникальны остатки костяной резьбы, украшавшей рукоять и ножны меча (табл. 1, 1–4). Если кость ножен дошла в виде следов на клинке и лишь в одном месте угадывается голова дракона, то фрагмент резьбы на рукояти не оставляет никакой неопределенности. Перед нами типично китайская резьба, изображающая птиц, порхающих меж листьев. Вся стилистика, вся иконография, весьма популярные в юаньской резьбе, в том числе и по красному и черному лаку (табл. 1, 5), дереву, кости (Гробница эпохи юаньской династии, табл. VII, 2, Раскопки в Хэйчэне, рис. 13), восходят к традиции чжурчжэньского и сунского декоративного рельефа, с его сочностью, пластичностью, огромной насыщенностью, плотностью узора. Так что меч-палаш является собой синтез центральноазиатской формы с декором китайско-чжурчжэньского происхождения, становящимся монгольским, чингизидским.

Еще одна примечательная находка в воинском погребении у Новопавловска – серебряная ложечка с типично монгольским узором на ручке. Ближайшая параллель –

1 – палаш из погребения нойона у г. Новопавловск, Ставропольский объединенный музей. рис. М.В. Горелика, 1987 г.;
 2 – рукоять палаша, бронза, кость, резьба; 3, 4 – реконструкция палаша из Новопавловска, автор М.В. Горелик, мастер
 Ю.А. Тихонов, 1989 г. Ставропольский объединенный музей; 5 – чаша из резного черного лака, Китай, середина XIII в.
 Линден-музеум. Штуттгарт.

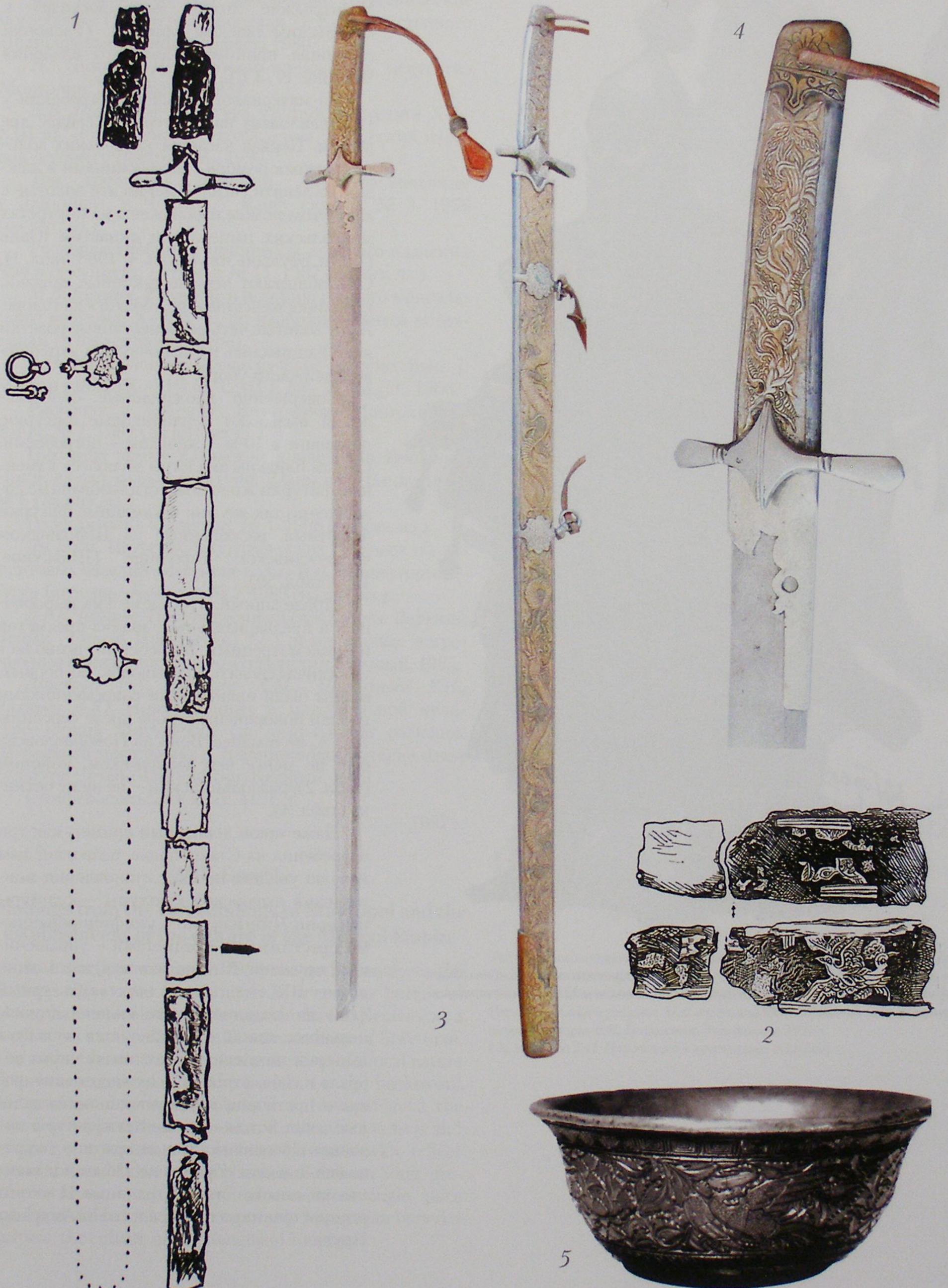

Табл. 2. Монгольский нойон, середина XIII в.
По материалам погребения у г. Новопавловск, Ставропольский край, и находкам подлинных китайских и восточнотуркестанских тканей XIII в. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1993 г.

серия серебряных ложек из уникального собрания памятников золотоордынской торговки, коим является Симферопольский клад (Симферопольский клад, с. 13–14). Монгольские ложки явно восходят к киданьским-ляоским ложкам (Раскопки гробницы принцессы ляоского владения Чэн, рис. 17, 3, 6).

Из материалов женского погребения у Новопавловска нам интересны сейчас две детали. Первая касается нескольких золотых сканых ромбов с жемчужинами в каждом из девяти гнезд. Именно эти золотые с жемчугом ромбы изображены на портретах монгольских императриц династии Юань (Гугун Боюань чжуанкан, 4, 1988, табл. I). Они обшивают черные суконные завязки, крепящие женский убор «бохтог» на голове. А вот золотые четырехлепестковые розетки явно нашивались на шапочку под «трубой» верхней части убора.

Совершенно неожиданные сопоставления вызывают сердоликовые фигурки, лежавшие в 10-м – женском – погребении. Самым близким аналогом являются каменные фигурки животных, стилизованные совершенно так же, как и каменные фигурки животных, раскопанные на Шайгинском чжурчжэньском городище (Шавкунов, 1990, табл. 59).

Проделанный, пусть и весьма выборочный и предварительный, анализ предметов из рассмотренных погребений позволяет уже сейчас сделать ряд выводов. Во-первых, воины были практически современниками и были похоронены вскоре после середины XIII в., не позднее. Воин из Новопавловска был не менее чем тысячником, нойоном (табл. 2), раздольнинский – не ниже сотника (табл. 3).

Даже такой локальный пример, как три погребения на Ставрополье, позволяет нам воочию увидеть процесс становления монгольской имперской культуры – культуры империи Чингизидов, с унифицированными престижными предметами – украшениями, оружием. Можно увидеть, как мощно и вместе с тем тонко влиял «культурный фон» на создание чего-то вполне единого, цельного, какой представляется культура империи чингизидов. Как эта культура вобрала в себя, отринув ненужное, адаптировав и претворив в совершенно оригинальные вещи, стиль – элементы культуры китайцев и особенно главных врагов – чжурчжэней, никоим образом не забывая и степные киданьско-ляоские традиции. И все это распространив на пространство от Амура до Прута.

Литература

Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957.

В.Н. Шалобудов, И.В. Кудрявцева. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.

Н. Цултэм. Декоративно-прикладное искусство Монголии. Улан-Батор, 1987.

Э.В. Шавкунов. Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Три гробницы династии Ляо, раскопанные у Дайинцзы, у. Чифэн // Каогу сюэбао. № 3. 1956 (на кит. яз.).

Раскопки гробницы принцессы ляоского владения Чэн и ее супруга. // Вэньу. № 11. 1987 (на кит. яз.).

М.В. Горелик. Введение в историю раннего монгольского костюма, X–XIV в., по изобразительным источникам (в настоящем номере).

А.Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX–XIII вв. САИ Е № – 36. М.; Л., 1966.

Раскопки в Хэй-чэне, Внутренняя Монголия // Вэньу. № 7. 1987 (на кит. яз.).

Гробница эпохи Юаньской династии в Гуйцзине, Нили, на зап. окраине Датуня, Шаньси // Вэньу. 1987. № 6 (на кит. яз.).

Гугун Боюань чжуанкан. № 4. 1988 (на кит. яз.).

Ян Бода. Изучение чжурчжэньских (цзиньских) нефритовых изделий «Весенние воды» и «Осенние горы». – Гугун Боюань чжуанкан. № 2. 1983 (на кит. яз.).

Д.Ю. Чахкиев. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (Горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре Горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника). Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

Симферопольский клад. М., б. г.

1992 г.

М.В. Gorelik

Findings from the surroundings of Stavropol and the establishment of the culture of the Mongol Empire

In his article written in 1989 the author analyzes the artifacts discovered in two mid–XIII century burials of Mongolian noblemen near Novopavlovka and Semenovod, a small town and a village in the surroundings of Stavropol. The author demonstrates how the artifacts of a local nature that were extracted from the burials, i.e. the backsword and gold metal sword belt plates from Novopavlovka, the sword belt plates from Semenovod, the silver vessels and remains of a female costume from Novopavlovka, reflect consolidation of elements of Niuchen, Southern Song, pre-Empire Mongol and Kyrgyz cultures into a single, quite solid and stable, rich and recognizable Mongolian imperial culture, the culture of the Genghizid Empire.

Табл. 3. Монгольский сотник, середина XIII в. По материалам погребения у поселка Семеновод, Ставропольский край, и подлинной китайской ткани XIII в. из собр. К. Рыбу. Реконструкция и рисунок М.В. Горелика. 1993 г. (маска шлема по реконструкции Е.И. Нарожного дополнена в 2010 г. См. статью Е.И. Нарожного в настоящем выпуске)